

Между идеей и идеологией: политизация академического сообщества Германии в первой трети XX века¹

Илья Женин

ТРЕМЛЕНИЕ к политическому и национальному единству определило не только идеологический климат, но и политическую культуру немецкого общества — обостренное чувство национального достоинства. Борьба за рейх сплотила все политические партии германских государств. Юная Германская империя стремилась утвердить свое великое настоящее и будущее, находя аргументы в прошлом, которое все больше мифологизировалось и романтизировалось. Эпоха «историографического империализма»², охватившая почти весь XIX век, окончательно закрепила научный статус истории и превратила ее в идеологический императив, одной из черт которого выступал патриотический дискурс. Для Германии это имело особое значение в силу позднего объединения и «догоняющего» характера развития. Только после 1871 года начался процесс «национализации масс»³, то есть внед-

1. Статья подготовлена при поддержке программы стратегического развития РГГУ.
2. Под «историографическим империализмом» понимается создание и кодификация национальной истории, повествующей о становлении национальных государств и их борьбе между собой. Иными словами, «история стала коллективной биографией нации — или „национальным романом“ (по словам Пьера Нора). Национальные исторические школы соревновались между собой в искусстве политической индоктринации масс» (Копосов Н. Е. Память строгого режима: история и политика в России. М., 2011. С. 31).
3. Moose G. L. The Nationalization of Masses. Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich. N.Y., 1975.

рение идеологом общей германской идентичности (чаще всего в форме национальных мифов) в еще партикулярное сознание населения. В отличие от Западной Европы, в Германии преобладающее влияние в общественном самосознании приобрела консервативная политическая традиция, опирающаяся на две основные идеи — национализм и историзм. Во многом это способствовало утверждению национального превосходства немцев, основанного на убеждении в избранности немецкого народа и особой роли немецкой культуры. Проблематизация этих представлений научным историческим сообществом Германии, прежде всего прусской исторической школой, восходящей к Леопольду фон Ранке, способствовала созданию теории «особого немецкого пути» (*Deutscher Sonderweg*)⁴.

Национальная концепция истории распространялась в массовом сознании прежде всего через систему образования, научную и художественную литературу. Тем самым идея объективного исторического научного знания постепенно подменялась идеологией «особого пути». Политические дискуссии проходили не только в рейхстаге, но прежде всего на страницах многочисленных газет, журналов, брошюр, объемных монографий; отдельные мнения звучали с трибун публичных лекций и выступлений, где тон задавали профессора и публицисты. Мнения и настроения академических кругов играли важную роль в формировании и эволюции духовного климата Германии. Университетская элита разрабатывала философские идеи, теоретические положения, которые находили практическое подтверждение и применение в творчестве публицистов и представителей «свободных профессий» — литераторов и художников.

Националистический крен в немецком обществе сопровождался почти беспрецедентным развитием исторического сознания. Историки обладали огромным влиянием на образованные слои общества, на их самосознание и отношение к государству как выразителю «истинных» интересов нации. Ранке, Дальман, Дройзен, Зибель, Зомбарт, Трейчке выступили в роли не только учителей немецкой нации, но и ее пророков. Они разработали историческую теорию, парадоксальным образом соединившую современные задачи с традициями немецко-прусского национального монархического государства

4. Iggers G. G. The German Conception of History: The National Tradition of Historical Thought from Herder to the Present. Middletown, 1983; Wolfrum E. Geschichte als Waffe. Vom Kaiserreich bis zur Wiedervereinigung. Göttingen, 2001; Идеология особого пути в России и Германии: истоки, содержание, последствия. М., 2010.

и фактически освящавшую все более агрессивную внешнюю политику кайзеровской Германии⁵.

Так, Генрих фон Зибель выразил свой восторг по поводу образования Германской империи следующими словами:

И чем мы только заслужили эту величайшую милость Господа Бога — стать современниками такого грандиозного события? Как нам жить теперь, после того, как оно свершилось? То, что было предметом наших желаний и стремлений в течение двадцати лет, воплотилось в жизнь столь чудесным образом и стало реально-стью. И где найти другую цель, чтобы оправдать нашу дальнейшую жизнь?!⁶

Было бы безусловным преувеличением считать, что все немцы оценивали свою историю одинаково. Но создание исторической науки было делом групп историков, которые обладали относительной сплоченностью, облегчавшей их «патриотический консенсус»⁷. Немецкие историки были едины в своем неуклонном стремлении выявить и углубить основополагающие различия между немецким пониманием государства, нации и культуры и представлениями, распространенными в странах Европы и США. Академическое и — шире — интеллектуальное сообщество Германии интенсивно работало над созданием теоретического фундамента, способного объяснить причины разногласий с Францией и Великобританией и оправдать в глазах населения их предопределенность.

Практическим следствием усилий интеллектуалов стала легитимация неизбежности мировой войны как в представлениях власти, так и в общественном сознании Германии⁸. Различия между Германией, с одной стороны, и Францией и Англией, с другой стороны, выражались в несовместимости просветительских, либеральных, естественно-правовых, гуманистических принципов с немецким духом и традициями. Тем самым противостояние приобрело не только политический и идеологический аспекты, но также ментальные, культурно-исторические (мировоззренческие) основания.

Таким образом, межгосударственные конфликты, прежде всего Первая мировая война и последующие за ней изменения

5. Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития. Материалы круглого стола // Полис. 1995. № 4. С. 47.

6. Цит. по: *Thimme A.* Hans Delbrück als Kritiker der wilhelminischen Epoche. Düsseldorf, 1955. S. 43.

7. *Konocov H. E.* Указ. соч. С. 33.

8. *Mommsen W. J.* Die kulturellen Eliten im Ersten Weltkrieg // *Bürgerliche Kultur und politische Ordnung. Künstler, Schriftsteller und Intellektuelle in der deutschen Geschichte 1830–1933.* Fr.a.M., 2000. S. 178.

в Германии и Европе, сопровождались битвами за прошлое. Вопрос о том, какую роль сыграла в этом интеллектуальная традиция Германии, является одним из основополагающих как для понимания «идей 1914 года», так и для оценки масштаба ответственности интеллектуалов в катастрофе 1933 года.

СОЦИАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО

Огромную роль в становлении интеллектуальной традиции Германии на протяжении XIX века играло «образованное бюргерство» (*Bildungsbürgertum*)⁹, включавшее в себя образованных горожан, то есть учителей, врачей, судей, высших государственных чиновников. К последним относилась и «государственная интеллигенция», представленная главным образом университетскими профессорами. Профессор приравнивался прусским государством к тайному советнику, то есть обладал статусом чиновника (*Beamte*)¹⁰. После объединения Германии в 1871 году вопросы народного просвещения оставались в ведении государств — частей империи. Однако, как и в других государственных делах, основной тон здесь задавала Пруссия. Как правило, организация и управление университетами следовали прусскому образцу, служившему общегерманским стандартом. Подобная ситуация сохранялась и в период Веймарской республики. Ординарные профессора принадлежали к самому верхнему слою общества и обладали абсолютным авторитетом для всех других его слоев¹¹.

Залогом социального престижа профессорского статуса служил, в частности, тот факт, что назначение на должность и присуждение звания ординарного профессора осуществлялись на государственном уровне: королем в Пруссии, герцогом в Бадене и т. д. Этим объясняется подчеркнутая политическая лояльность профессорско-преподавательского состава после 1848 года. После неудачи Франкфуртского парламента (1848–1849), прозванного профессорским, большая часть немецкой профессуры перестала участвовать в политической жизни,

9. *Lepsius M. R. Bürgertum als Gegenstand der Sozialgeschichte // Demokratie in Deutschland: soziologisch-historische Konstellationsanalysen. Göttingen, 1993. S. 289–303.*

10. *Wehler H. — U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Vom Feudalismus des Alten Reiches bis zur defensiven Modernisierung der Reformära 1700–1815. Bd. 1. München, 1987. S. 210.*

11. *John J. Universitäten und Wissenschaftskulturen von der Jahrhundertwende 1900 bis zum Ende der Weimarer Republik 1930/33 // Gebrochene Wissenschaftskulturen. Universität und Politik im 20. Jahrhundert. Göttingen, 2010. S. 23.*

предпочитая заниматься исследовательской и преподавательской работой. Это было характерно для представителей как естественно-научных, так и гуманитарных дисциплин.

Процесс постепенного вовлечения профессорско-преподавательского состава в политику приходится на рубеж XIX–XX веков. С одной стороны, он был вызван распространением социал-демократии, с другой — набравшей обороты экспансионистской политикой Германской империи. Показательно, в частности, принятие в 1898 году так называемого закона Аронса — по имени физика Лео Аронса, вступившего в СПДГ и активно участвовавшего в партийной жизни. Закон был принят по настоянию Вильгельма II и запрещал социал-демократам заниматься преподавательской деятельностью¹². Вопреки протестам отдельных профессоров его принятие не вызвало массового протеста академического сообщества¹³. Впрочем, Первая мировая война кардинально изменит настроения умов и превратит немецких профессоров в активных участников масштабной «борьбы духа». Окончательное вовлечение академического сообщества в политическую жизнь произошло уже после поражения кайзеровской Германии.

Веймарская республика расколола немецкую университетскую среду на два противоборствующих лагеря — принявшее республику меньшинство и абсолютное большинство ее отрицавших. Объединяло профессуру лишь сопротивление посягательствам государства на ее статус. Небывалый протест среди ординарных профессоров вызвали попытки реформы высшей школы, ведущие к демократизации внутреннего самоуправления университетов, прежде всего расширение прав экстраординарных профессоров и приват-доцентов — предоставление им права голоса в вопросах организации образовательного процесса на кафедральном и факультетском уровнях. Прусский министр культов Карл Беккер (беспартийный, поддерживаемый СДПГ, занимавший должность министра с 1925 по 1930 год), инициировавший обсуждение этого вопроса, столкнулся с резким возмущением профессоров, расценивших происходящее как посягательство на университетскую автономию и вмешательство государства в дела высшей школы. В итоге Беккер был вынужден отказаться от планов реформирования, опасаясь еще

12. В октябре 1897 года Вильгельм II заявил: «Я не потерплю никаких социал-демократов среди моих чиновников, а также среди наставников нашей молодежи в имперских высших школах» (*Bruch R. Wissenschaft, Politik und öffentliche Meinung. Gelehrtenpolitik im Wilhelminischen Deutschland* (1890–1914). Husum, 1980. S. 333–335).

13. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. С. 173.

большого отпора со стороны и без того в массе своей антиреспубликански настроенных профессоров¹⁴.

Нелояльность республике у большинства носила скрытый характер и была в первую очередь связана с потерей привилегированного положения в отношениях с государством. Демократическая республика, у истоков которой стояли социал-демократы, скорее, была озабочена положением рабочих, правами и социальным статусом женщин, чем вопросами «духовного возрождения Германии»¹⁵. Отчасти поэтому для профессоров — носителей «германского духа» — она не обладала необходимой легитимностью и рассматривалась как предательство национальных интересов.

Чтобы было понятно, что представлял собой профессорско-преподавательский состав немецких университетов в период Второй империи и Веймарской республики, будет уместно дать ряд дополняющих общую картину цифр.

Приведенные данные показывают, что речь идет о крайне малочисленном сообществе, характеризующем закрытостью и обособленностью. Фактически каждый ординарный профессор знал своего коллегу по цеху из другого университета. Поэтому, говоря об академическом сообществе, очень важно учитывать его камерность и замкнутость.

Одним из элементов высокого социального статуса университетского сотрудника, безусловно, является финансовое благополучие. Материальное обеспечение ординарного профессора как в период кайзеровской Германии, так и в Веймарской республике оставался стабильно высоким. Сумма ежегодного дохода, получаемого в университете, состояла из основного оклада и различных надбавок. В соответствии с решением Прусского министерства культов в 1897 году были установлены новые тарифные планы по зарплате профессорского корпуса. Особым положением пользовался Берлинский университет, где минимальный оклад ординарного профессора был установлен на уровне 4 800 марок в год, что примерно соответствует 30 000 € по сегодняшнему курсу, и максимальный — 7 200 марок ($\approx$ 45 000 €)¹⁶. В остальных университетах тариф состав-

14. *Vom Brocke B.* Preußische Hochschulpolitik im 19. und 20. Jahrhundert. Kaiserreich und Weimarer Republik//Die Universität Greifswald und die deutsche Hochschullandschaft im 19. und 20. Jahrhundert. Stuttgart, 2004. S. 27–57;
Пунгер Ф. Указ. соч. С. 97–102.

15. *Jansen Ch.* Die soziale Lage der Hochschullehrerschaft im Kaiserreich und in der Weimarer Republik im Vergleich. Zum Beispiel Heidelberg//Die Universität Greifswald... S. 171.

16. Коэффициент пересчета 1 марки к 1 € по данным Федерального банка Германии основан на индексе покупательской способности. Марка 1900 года соответствует примерно 6,20 €. После денежной реформы 1924 года

	1830							
	Ord	ExO	HPr	PD	Le	Ord	ExO	HPr
Берлин	49	39	1	23	6	66	65	5
Бонн	45	14	0	7	6	52	25	0
Бреслау	36	10	0	16	11	52	24	1
Эрланген	23	9	0	15	8	35	12	0
Франкфурт (1914)								
Фрайбург	26	2	0	7	11	35	11	0
Гиссен	36	4	0	8	11	36	11	1
Гёттинген	23	9	0	15	8	57	24	1
Грайфсвальд	22	11	0	1	9	37	12	0
Галле	40	17	0	15	8	47	21	0
Гамбург (1919)								
Гейдельберг	30	8	0	23	18	43	27	3
Йена	26	18	2	19	9	31	24	10
Киль	16	12	0	13	6	38	9	0
Кёльн (1919)								
Кёнигсберг	27	10	0	0	16	46	19	0
Лейпциг	34	34	0	39	8	62	47	8
Марбург	27	4	1	9	5	44	9	0
Мюнхен	48	6	8	3	2	70	11	9
Мюнстер	11	1	0	2	1	19	6	0
Росток	21	6	0	8	3	31	2	0
Страсбург (1871–1919)						57	14	1
Тюбинген	38	10	0	11	6	49	11	0
Вюрцбург	30	5	0	4	2	41	5	0
Всего	608	229	12	238	154	948	389	39
Доля в %	49	18,5	1	19,2	12,4	49	20,1	2
Общее количество	1241							

Ord — ординарный профессор; ExO — экстраординарный профессор;
HPr — почетный профессор; PD — приват-доцент; Le — преподаватель.

для 4 000 ($\approx 25\,000$ €) и 6 000 марок ($\approx 37\,000$ €) соответственно. Для экстраординарных профессоров ставки были ниже: в Берлине максимум составлял 4800, а минимум — 2400 марок ($\approx 15\,000$ €); в других университетах: 4 000 ($\approx 25\,000$ €) и 2 000 марок ($\approx 12\,500$ €) соответственно¹⁷. В качестве дополнитель-

рейхсмарка приблизительно равнялась 4 €. Во всех приведенных расчетах использованы названные данные. См.: *Maus Ch. Der ordentliche Professor und sein Gehalt. Die Rechtsstellung der juristischen Ordinarien an den Universitäten Berlin und Bonn zwischen 1810 und 1945 unter besonderer Berücksichtigung der Einkommensverhältnisse*. Göttingen, 2013. S. 173.

17. *Biermer M. Die Rechtsverhältnisse der deutschen Universitätsprofessoren*. Gießen, 1903. S. 7–8.

1880		1930					1940				
PD	Le	Ord	ExO	HPr	PD	Le	Ord	ExO	HPr	PD	Le
80	2	113	289	50	175	64	159	248	83	185	163
24	5	90	62	10	66	30	90	62	10	51	46
28	6	91	81	9	67	26	84	54	3	62	27
14	0	70	13	2	28	2	41	42	2	16	14
		75	70	24	81	39	60	51	15	65	33
8	5	66	46	10	48	34	67	44	5	43	44
5	5	58	51	4	33	31	49	39	2	28	34
32	5	83	47	8	63	30	89	49	7	62	48
11	3	60	19	0	32	21	50	27	1	19	26
27	8	81	37	11	45	30	59	39	6	54	34
		70	66	15	65	61	68	90	9	58	43
20	9	56	65	28	41	34	58	43	21	68	45
9	6	65	48	6	29	28	65	50	3	32	38
15	6	68	38	8	48	26	56	42	6	52	31
		59	34	13	51	43	61	50	11	48	50
20	5	71	53	5	45	26	60	53	5	44	17
49	3	104	123	11	82	15	95	98	7	56	12
16	4	67	24	8	42	19	57	28	6	36	24
34	1	117	121	32	94	8	91	100	14	91	39
5	3	74	29	13	44	21	68	42	9	41	25
6	1	47	28	3	22	8	41	30	3	20	17
19	6										
8	19	70	33	7	41	16	65	31	4	39	45
20	5	70	30	6	33	7	51	31	1	24	15
450	107	1725	1407	283	1275	619	1584	1343	233	1194	870
23,3	5,5	32,5	26,5	5,3	24	11,7	30,3	25,7	4,5	22,9	16,7
1933		5309					5224				

(Источник: Datenhandbuch zur deutschen Bildungsgeschichte. Bd. 1/2. Wachstum und Differenzierung der deutschen Universitäten 1830–1945. Göttingen, 1995. S. 66).

ных выплат были положены: деньги для оплаты жилья, гонорары, семейное пособие, пособие на ребенка и др. Так, в Берлинском университете зарплаты варьировались от 6 000 (≈ 37 000 €) до 9 000 марок (≈ 56 000 €) в год. Похожая ситуация складывалась и в остальных университетах Германии. При этом ежегодное жалование начальника полиции Берлина составляло 9 000 марок, а зарплата рабочего — около 740 марок (≈ 4600 €)¹⁸.
В период Веймарской республики финансовое положение ординарных профессоров оставалось стабильно высоким и не пре-

18. *Maus Ch.* Op. cit. S. 84.

терпело существенных изменений по сравнению с другими социальными группами. Гиперинфляция 1923 года, конечно, отразилась и на университетских зарплатах, но уже к 1924 году ситуация нормализовалась и даже улучшилась. В качестве примера можно привести годовой доход Карла Ясперса, за 1928 год составивший 20 000 рейхсмарок ($\approx 80\,000$ €)¹⁹. Для сравнения: средний годовой доход высококвалифицированного рабочего в лучшие годы республики составлял около 2500 рейхсмарок ($\approx 10\,000$ €).

НАРОДНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Экспансионистская политика Германской империи, проводившаяся имперским правительством, всесторонне поддерживалась академическим сообществом. Доктрина «мировой политики» (*Weltpolitik*), отстаиваемая канцлером фон Бюловым, завладела умами немецкого общества на рубеже столетий. Мысль о том, что Германия пользуется меньшим влиянием в мире, чем она заслуживает, прочно обосновалась в сознании большинства немцев. Выдающийся немецкий социолог Макс Вебер в 1885 году отмечал в своей знаменитой фрейбургской речи «Национальное государство и народнохозяйственная политика»:

Мы должны осознавать, что объединение Германии было детской забавой, совершенной нацией в прошлом, и ценность этого события означала бы вдвое меньшее, окажись это финалом, а не началом германской мировой политики²⁰.

Этот тезис использовался для обоснования немецкой экспансионистской политики. По мнению сторонников последней, военная и экономическая мощь новообразовавшегося германского государства позволяла ему выдвигать претензии к другим мировым державам, давно поделившим мир и создавшим колониальные империи. Впоследствии Карл Ясперс в посвященной памяти Макса Вебера речи в 1920 году отмечал подлинный патриотизм этого выдающегося немецкого ученого и мыслителя:

Этот патриотизм служил ему высшим масштабом его политической воли. Благо Германии не было в его понимании благом какого-либо класса или утверждением какого-либо мировоззрения какой-либо политической фигуры. Католик или протестант, консерватор или социалист, монархист или демократ — это должно было отойти на второй план, когда речь шла о Германии. Поэто-

19. *Jansen Ch.* Op. cit. S. 179.

20. *Вебер М.* Политические работы. М., 2003.

му он был готов, если это казалось необходимым с точки зрения внешней политики, объединиться с любой партией, принять любое мировоззрение, сулившее наибольший успех Германии. Все политические соображения были в его глазах лишь техническими, фактически пригодными, а не мировоззренческими принципиальными средствами²¹.

Суждения Ясперса о Вебере во многом справедливы и для большей части академического и интеллектуального сообщества Германии рубежа XIX–XX веков, и периода Веймарской республики. Можно говорить, что идеи распространения «немецкого духа» и «германства» в культурных ареалах других стран и континентов нашли широкую поддержку среди немецкой профессуры еще до Первой мировой войны.

В 1887 году Общество германской колонизации и Германский колониальный союз объединились в единую организацию — Германское колониальное общество, целью которого было распространение как материальных объектов (промышленных товаров), так и немецких ценностей духовного порядка. Наряду с крупнейшими германскими промышленниками и ведущими банкирами, такими как Крупп, Сименс, Ганзема, Опергейм и др., активными членами Германского колониального общества были видные представители академического мира (историки Трейчке, Зибель, Шмоллер, Шлиман и др.)²². Политический деятель национал-либерального направления Фридрих Науманн в 1913 году прямо заявлял о культуртрегерской миссии немецкой торговли, неразрывности внешней хозяйственной и культурной политики²³.

Историк Карл Лампрехт, член Пангерманского союза, одним из первых заявил в 1908 году о необходимости придать внешней культурной политике автономный характер, что фактически «означало признание собственной значимости распространения немецкой науки и культуры»²⁴. Одним из следствий этой работы

21. Ясперс К. Речь памяти Макса Вебера // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 560.

22. Космач В. А. Внешняя культурная политика Веймарской Германии в политической жизни страны и на международной арене (1919–1932). Витебск, 2006. С. 29.

23. Свою точку зрения по этому вопросу Ф. Науманн изложил в статье «Искусство в индустрии и торговле», вошедшей в ежегодник Германского союза художественных ремесел и промышленности. В частности, он подчеркивал: «Кузнец, кажется, должен заниматься только личным ремеслом, но при этом он имеет культурные задачи, желает служить он этому или нет. Он распространяет лучшие или худшие жизненные ценности. Он является воспитателем покупателей. Без него духовное направление победить не может» (Цит. по: Космач В. А. Указ. соч. С. 15).

24. Schorn-Schütze L. Karl Lamprecht. Kulturgeschichtsschreibung zwischen Wissenschaft und Politik. Göttingen, 1984.

станет создание зарубежных германских научно-исследовательских и культурных институтов, организованных уже под эгидой Общества кайзера Вильгельма в 1911 году²⁵.

Заметим, впрочем, что внешняя культурная политика так и не получила должного внимания со стороны Вильгельма II и имперского правительства, оставшись в тени экономической и политико-хозяйственной экспансии Германии.

До Первой мировой войны состояние научного знания характеризовалось некоторой двойственностью. С одной стороны, подчеркивался интернациональный характер науки, а с другой — велась борьба национальных школ в «конкурентной борьбе народов». При этом лидерство немецкой науки, составляющих ее научных школ и преподавательских кадров признавалось большинством зарубежных коллег-ученых²⁶. Тем катастрофичнее оказались для научного знания в Германии последствия Первой мировой войны, ставшей апофеозом убежденности большинства представителей академического сообщества в собственном национальном превосходстве. Сотрудничество интеллектуалов с властью во время войны приобрело тотальный характер, что выразилось в создании значительного числа «патриотических» сочинений, в которых последовательно стиралась граница, отделяющая культуру от политики и войны²⁷.

Одним из наиболее показательных документов был Манифест 93-х, названный по количеству подписавших его выдающихся деятелей немецкой культуры и науки. Этот текст, озаглавленный «Воззвание к культурному миру», был опубликован в октябре 1914 года во всех крупных газетах Германии и нейтральных стран. В нем, в частности, говорилось:

Неправда, что война против нашего так называемого милитаризма не есть также война против нашей культуры, как лицемерно утверждают наши враги. Без немецкого милитаризма немецкая культура была бы давным-давно уничтожена в самом зачатке. <...> В стране, которая, как ни одна другая страна в мире, под-

25. *Vom Brocke B.* Die Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft im Kaiserreich. Vorgeschichte, Gründung und Entwicklung bis zum Ausbruch des Ersten Weltkriegs, Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft // Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm/Max-Planck-Gesellschaft. Stuttgart 1990. S. 17–162.

26. *Metzler G.* Deutschland in den internationalen Wissenschaftsbeziehungen (1900–1930) // Gebrochene Wissenschaftskulturen: Universität und Politik im 20. Jahrhundert. Göttingen, 2010. S. 55–83.

27. См.: *Vondung K.* Deutsche Apokalypse 1914 // Das wilhelminische Bildungsbürgertum. Zur Sozialgeschichte seiner Ideen. Göttingen, 1976. S. 153–171; *Idem.* Geschichte als Weltgericht. Genesis und Degradation einer Symbolik // Literatur für viele. Studien zur Trivialliteratur und Massenkommunikation im 19. und 20. Jahrhundert. Göttingen, 1976. S. 147–168.

вергалась в течение столетий разбойничьим набегам. <...> Немецкое войско и немецкий народ едины. Это сознание связывает сегодня 70 миллионов немцев без различия образования, положения и партийности. <...> Верьте нам! Верьте, что мы будем вести эту борьбу до конца, как культурный народ (*Kulturvolk*), которому завешание Гёте, Бетховена, Канта так же свято, как свой очаг и свой надел²⁸.

Среди прочих свои подписи под этим воззванием поставили нобелевский лауреат по химии (1905) Адольф фон Байер, историк искусства, основоположник современного музееведения Вильгельм фон Боде, нобелевский лауреат по физиологии и медицине (1908) Пауль Эрлих, нобелевский лауреат по литературе (1912) Герхарт Гауптман, историк Карл Лампрехт, художник и график Макс Либерман, политик и общественный деятель Фридрих Науман, выдающийся немецкий физик, получивший Нобелевскую премию в 1918 году, уже после Первой мировой войны, Макс Планк, нобелевский лауреат по физике (1901) Вильгельм Рентген, философ, глава Баденской школы неокантианства Вильгельм Виндельбанд и др. Несмотря на то что некоторые из подписавших в скором времени отзывали свою подпись²⁹, сам процитированный документ свидетельствует о глубине вовлеченности немецкой культуры и науки в интеллектуальное противостояние, развернувшиеся между воюющими странами.

В октябре 1914 года была опубликована «Декларация преподавателей вузов Германской империи», в которой подчеркивалось, что «немецкая армия защищает немецкую науку и ее достижения»³⁰. Примечательно, что 26 страниц этого 28-страничного воззвания занимает список подписавших с указанием принадлежности к конкретному университету и факультету.

В 1915 году психолог и философ Вильгельм Вундт опубликовал небольшой трактат «Нации и их философии». В нем он сделал акцент на поверхностности английских этических теорий и упрощающем характере основанного на здравом смысле реализма в английской гносеологии со времен Локка. Данная Вундтом характеристика англосаксонского ума пестрела такими эпитетами, как «эгоистический утилитаризм», «материализм», «по-

28. Пуанкаре Р. На службе Франции 1915–1916: Воспоминания. Мемуары. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2002. С. 743–744. Сн. 32.

29. В частности, свою подпись отзывал Макс Планк, признавшись, что подписывал документ, не видя самого текста. См.: *Heilbron J. L. The Dilemmas of Upright Man. Max Planck as Spokesman for German Science*. Berkeley, 1986. P. 70.

30. Erklärung der Hochschullehrer des Deutschen Reiches. Berlin, den 23. Oktober 1914.

зитивизм», «прагматизм», в описании французов преобладали «материализм» и «позитивизм»³¹.

Оппозиция «немецкая культура vs французская цивилизация» выступала центральным элементом защиты от проникновения французских и английских идей и теорий (республиканизм, либерализм, парламентаризм) на немецкую почву. Не случайно Первая мировая война рассматривалась как доказательство упадка и разложения европейской, «западной» цивилизации и противопоставлялась молодой, энергичной немецкой культуре. Академические круги Германии, а вслед за ними интеллектуалы самых разных оттенков политического спектра отчаянно отстаивали уникальность и ценность национальных понятий «государственного» и «политического» и указывали на неприменимость английских концепций свободы к личностному и культурному индивидуализму немецкой традиции³². По их мнению, «свобода по-английски» означала отсутствие всяких ограничений потребительских инстинктов, противостояние государству и чисто теоретическое право участвовать в политических торгах. Кроме того, немецкие интеллектуалы полагали, что ни английское, ни французское общества на самом деле не поощряют разнообразие. Сила общественного мнения подавляет всякую подлинную индивидуальность, особенно в культурной среде, что ведет к воспроизводству посредственностей. Но хуже всего то, что экономические группы, преследующие свои интересы и де-факто подчинившие себе политическую систему, состоят на службе общественного мнения. Их торгашеское мышление правит интеллектуальной и духовной жизнью посреди безрадостной картины общества посредственностей³³.

Война сплотила все немецкое общество, невзирая на политическую, социальную или культурную принадлежность отдельных его представителей. Как отмечали очевидцы, в начале августа 1914 года немцам впервые удалось достичь своего рода «народного единства». Либеральный журналист Гельмут фон Герлах в декабре того же года констатировал:

Предрассудки пали, заблуждения были рассеяны, люди, между которыми, казалось, пролегают Гималаи, признали друг в друге соотечественников. <...> Времена изменились, и люди изменились вместе с ними. Война — это великое разрушение и вместе с тем — великое обновление. Она разрушает, и она же созидает³⁴.

31. Цит. по: Рингер Ф. Указ. соч. С. 223.

32. Von Harnack A., Meinecke F., Sering M., Troeltsch E., Hintze O. et al. Die deutsche Freiheit: Fünf Vorträge. Gotha: F. A. Perthes, 1917.

33. Рингер Ф. Указ. соч. С. 224.

34. Цит. по: Шенк Ф. Б. «Августовское переживание»: начало Первой мировой

Годы спустя, в 1932-м, Герман Гессе с болью и грустью вспоминал атмосферу, царившую в немецких литературных и академических кругах в 1914 году. Время, когда вперед вышли

безответственные, отчасти опьяненные патриотическим восторгом, отчасти и откровенно продажные писаки; весьма патристичные, но глупые, лживые и грубые статейки, недостойные Гёте, недостойные духа, недостойные немецкого народа; даже маститые ученые и литераторы заговорили как унтера; казалось, не только рухнули все мосты между духом и народом, но не стало и самого духа³⁵.

Впрочем, патриотический подъем, охвативший Германию в 1914 году, для некоторой части интеллектуалов иссяк довольно быстро: антивоенной была позиция «активистского» движения, тесно связанного с зарождающимся экспрессионизмом (Курт Хеллер и его соратники); уже в середине 1916 года вокруг Виланда Херцфельде и Иоганнеса Брахера формируется радикально-пацифистский кружок *Neue Jugend*, а молодой В. Беньямин еще осенью 1914 года прерывает связь со своим наставником Г. Винекеном из-за поддержки тем начавшейся войны³⁶.

Кроме того, уже с 1915 года в академическом сообществе намечается постепенный раскол, первоначально вызванный определением целей войны (1914–1915), в 1916–1917 годах связанный с активным обсуждением целесообразности тотальной подводной войны и, наконец, в 1917–1918 годах спровоцированный дискуссией о путях реформирования прусской избирательной системы. Следствием этого станет создание двух негласных партий: аннексионистов и умеренных³⁷. Характерно при этом, что ни один представитель академического сообщества Германии так и не признает свою вину и не осмыслит степень личной ответственности за участие в Первой мировой войне. Даже те, кто в период Веймарской республики отрекся от своих монархических взглядов, станут членами Социал-демократической партии или пацифистами, не будут задаваться вопросами и каяться, рассматривая линию своего поведения как естественную и логичную.

Несоответствие заявленных довоенных амбиций с кризисным послевоенным положением стало причиной мировоззрен-

войны как поворотный пункт немецкой истории // Новое литературное обозрение. 2012. № 4. С. 444.

35. Гессе Г. Гёте // Магия книги: эссе о литературе. СПб., 2010. С. 115.

36. Дмитриев А. Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930 годы). СПб.; М., 2004. С. 60.

37. Döring H. Der Weimarer Kreis. Studien zum politischen Bewußtsein verfassungstreuer Hochschullehrer in der Weimarer Republik. Meidenheim am Glan, 1975. S. 9.

ческого кризиса, охватившего подавляющее большинство населения Германии, в том числе кризиса социальной, культурной и национальной идентичности. Особенно остро это противоречие переживали немецкие интеллектуалы, пытавшиеся осмыслить и дать оценку происходящим в стране переменам.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА

Тема кризиса науки, образования (*Bildung*) и культуры стала активно обсуждаться в Германии на рубеже XIX и XX веков. Социально-политические тревоги переплелись с интеллектуально-культурными. Говорилось о кризисе политическом, социальном, культурном и, разумеется, научном, академическом.

Пессимистические настроения большей части академического сообщества были связаны с бюрократизацией высшей школы, с демократизацией образования и, соответственно, ростом количества студентов. По замечанию Адольфа Гарнака, все это способствовало превращению высших учебных заведений в «фабрику от науки» (*Vom Großbetrieb der Wissenschaft*)³⁸. Обратившись к статистике, можно понять, о каком количестве студентов идет речь и какой процент от населения они составляют. Так, в 1900–1901 годах в 19 существовавших на тот момент в Германской империи университетах обучались 34 300 студентов (0,6%); в 1910–1911 годах — 54 500 (0,8%); в 1920–1921 годах (Германия лишилась Страсбургского университета, но открылись три новых во Франкфурте-на-Майне, Кёльне и Гамбурге) — 86 900 (1,4%); в 1930–1931 годах — 99 900 (1,5%)³⁹. Отметим, что в 1925 году профессорско-преподавательский состав всех университетов Германии насчитывал 4 862 человека, из которых 1 894 — ординарные профессора⁴⁰.

Конфликт имел место и внутри самой академической корпорации. Констатируя кризис своих дисциплин, многие ученые и интеллектуалы тотчас переходили к критике чрезмерной специализации и позитивизма XIX века, а затем — к защите методов и теорий⁴¹. Едва ли не по привычке ученые, вне зависимости от личных политических взглядов и пристрастий, про-

38. Harnack A. Vom Großbetrieb der Wissenschaft // Preußische Jahrbücher. 1905. № 119. S. 193–201.

39. Ringer F. Die Zulassung zur Universität // Geschichte der Universität in Europa. Vom 19. Jahrhundert zum Zweiten Weltkrieg (1800–1945). Bd. 3. München, 2004. S. 202.

40. Titze H. Hochschulen // Handbuch der deutschen Bildungsgeschichte. 1918–1945. Die Weimarer Republik und die nationalsozialistische Diktatur. Bd. 5. München, 1989. S. 216.

41. Рингер Ф. Указ. соч. С. 460–461.

должали жаловаться на утрату души и убеждений, засилье релятивизма и детерминизма, на изоляцию творческой личности. В 1899 году Прусским министерством культов было принято постановление, уравнившее в правах высшие технические и торговые школы и университеты⁴². Это означало не только юридически закрепленное равенство статусов, но и приравнивание узких специализаций, получаемых в высшей технической или высшей торговой школе, с университетским образованием, подразумевающим «внушение студенту цельности знания (*Erkennen*)»⁴³. Интересно, что в 1900 году на долю университетов приходилось 68% от общего количества учащихся, остальные 32% были студентами высших школ, что свидетельствует об устойчивом спросе и популярности университетов. Более того, к 1930 году этот разрыв лишь углубился — 75% всех получающих высшее образование были студентами университетов⁴⁴.

Развернувшаяся в академических кругах проблематизация кризиса, страх перед неизбежной катастрофой, к которому он ведет, скорее, имели риторическое значение, нежели отражали реальное положение дел. Это убедительно показывают статистические данные. Одним из следствий распространения представлений о тотальном кризисе стало создание и культивация в академическом дискурсе мифа о Вильгельме фон Гумбольдте и его идей о классическом университете. Окончательно эта мифологема утвердится в дни празднования столетия Берлинского университета в 1910 году. Тоска по «чистому знанию», свободно от политической злободневности, превратится в фигуру речи и недостижимый идеал, апеллировать к которому носители немецкой интеллектуальной традиции станут уже после Первой мировой войны, обвиняя победителей в политизации науки⁴⁵.

Тенденции духовно-национального противостояния, прослеживающиеся уже на рубеже XIX–XX веков, окончательно оформятся в годы Первой мировой войны. Манифесты и воззвания, написанные и подписанные представителями немецкой науки и культуры, не останутся без внимания со стороны интеллектуальных кругов стран Антанты, прежде всего Франции. Вскоре последовало официальное заявление Французской академии, где, в частности, утверждалось, что «интеллектуальное будущее Ев-

42. Brocke B. vom. Preußische Hochschulpolitik im 19. und 20. Jahrhundert. Kaiserreich und Weimarer Republik. S. 35.

43. Цит. по: Рингер Ф. Указ. соч. С. 132.

44. Ringer F. Die Zulassung zur Universität. S. 203.

45. John J. Not deutscher Wissenschaft? Hochschulwandel, Universitätsidee und akademischer Krisendiskurs in der Weimarer Republik // Gebrochene Wissenschaftskulturen. Universität und Politik im 20. Jahrhundert. Göttingen, 2010. S. 107–143.

ропы ни в коем случае не зависит от немецкой науки»⁴⁶. В подтверждение этого члены-корреспонденты академии, подписавшие Манифест 93-х, были лишены своих званий, а У. Виламовиц-Мёллендорф был лишен статуса действительного члена Академии надписей и изящной словесности⁴⁷. Особенной популярностью во французских научных кругах стали пользоваться рассуждения о различных национальных исследовательских стилях и научных иерархиях, общим итогом каковых дискуссий стал тезис Пьера Дюгема *Scientia germanica est ancilla scientiae gallicae* («Немецкая наука — служанка науки французской»)⁴⁸. Сразу после войны это заключение станет прямым руководством к действию.

Катастрофические последствия Версальского мирного договора, провозгласившего Германию единственной виновницей в развязывании войны со всеми вытекающими обязательствами⁴⁹, не только отразились на политическом, социальном, экономическом уровнях, но и существенно затронули место и статус немецкой науки в мире. Несмотря на убежденность Макса Планка, заявившего в 1918 году: «Единственное, что не могут отнять у нас ни внешние, ни внутренние враги, — это то место, которое занимает немецкая наука в мире», — положение немецкой науки было критическим. Прежде всего это выражалось в подчеркнутом игнорировании немецких ученых коллегами из стран-победительниц.

Лига Наций, тон в которой задавали Великобритания и Франция, стремилась изолировать немецкую науку от внешнего мира и не допустить немецких ученых к участию в Международном совете исследований. Устав организации запрещал стране иметь своих представителей в органах совета⁵⁰. Ситуация изменилась лишь после подписания Локарнских соглашений⁵¹ и принятием Германии в Лигу Наций.

46. Mommsen W. J. Wissenschaft, Krieg und die Berliner Akademie der Wissenschaften in den beiden Weltkriegen // Preußische Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1914–1945. Berlin, 2000. S. 4.

47. Ungern-Sternberg J., Ungern-Sternberg W. Der Aufruf „An die Kulturwelt“. S. 97.

48. Duhem P. Quelques reflexions sur la science allemande // Revue des deux mondes. № 25, 1915. P. 686.

49. В соответствии со ст. 231 Мирного договора, Германия и ее союзники объявлялись «ответственными за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных союзными и объединившимися правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников» (Версальский мирный договор. М., 1925. С. 84).

50. Космач В. А. Указ. соч. С. 55.

51. В договоре закреплялось сохранение территориального пограничного *status quo* между Германией и Бельгией, Германией и Францией в рамках Версальского мирного договора от 28 июня 1919 года. Подписание этого договора позволило Германии стать членом Лиги Наций.

В период с 1922 по 1924 год в области общественных и естественных наук, техники, статистики и библиотечного дела было проведено 135 международных конгрессов. В 89 случаях Германия исключалась по требованию организаторов либо просто игнорировалась. По настоянию Бельгии немецкие ученые были лишены права участвовать в открывшемся в 1923 году международном конгрессе историков. То же произошло на международном конгрессе физиков. Из числа международного конгресса антропологов в Праге в 1924 году исключались не только Германия и Австрия, но и Судетская область Чехословакии, населенная преимущественно немцами⁵². С 1925 года ситуация начинает меняться: из 68 международных конгрессов немецкие ученые участвовали в 34, а в 1926 году уже в 82 из 99⁵³. Кроме того, в 1925 году создается Германская служба академических обменов (DAAD) и Фонд Александра фон Гумбольдта для осуществления и поддержки международных академических обменов как для профессорско-преподавательского состава, так и для учащихся. Примечательно, что среди немецких студентов наибольшей популярностью пользовались высшие учебные заведения Франции, Швейцарии, Великобритании и США, в то время как обучавшиеся в Германии иностранные студенты были преимущественно выходцами из Польши, Болгарии, Вольного города Данцига (находившегося с 1919 по 1939 год под управлением Лиги Наций) и Австрии; студенты из Франции составляли абсолютное меньшинство⁵⁴.

Несмотря на все усилия, число международных научных организаций, в которых участвовала Германия, так и не смогло выйти на довоенный уровень (в 1914 году — 14, в 1933 году — 6), в то время как во Франции за это же время их число выросло с 14 до 37, в Бельгии — с 13 до 21, в Англии — с 9 до 14⁵⁵.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ

История Веймарской Германии полнится спорами, правительственными кризисами, разногласиями, охватившими весь спектр политических, экономических и социальных отношений. Вместо поиска путей выхода конфликты замораживались, при-

52. Космач В. А. Указ. соч. С. 54.

53. Heilbron J. L. Hochschule und auswärtige Politik // Das Akademische Deutschland. Bd. 3. Die deutschen Hochschulen in ihren Beziehungen zur Gegenwartskulturen. Berlin, 1930. S. 144.

54. В летнем семестре 1928 года было 524 студента из Польши, 448 из Болгарии, 430 из Данцига, 388 из Австрии, 72 из Англии, 26 из Франции, 12 из Бельгии (Metzler G. Op. cit. S. 78).

55. Космач В. А. Указ. соч. С. 55.

нимавшиеся решения следовали сиюминутным задачам, под-
держивая видимость соблюдения баланса интересов. Имитация
согласия вместо самого согласия была характерной чертой
нового государства, в котором так и не смогли сформировать-
ся прочные коалиции, способные обеспечить стабильность пар-
ламентской системы. Политические партии воспринимали по-
нятия «государство» и «форма правления» в рамках строгой
иерархии ценностных представлений. И если первому следова-
ло хранить безусловную верность, то форма правления обладала
изменчивым и преходящим характером. Такое понимание госу-
дарства облегчало интеграцию консервативно настроенной бю-
рократии в институты власти столь нелюбимой республики⁵⁶.

Новое государство не устраивало ни представителей поли-
тического истеблишмента, ни академические круги, ни простых
граждан и служило лишь объектом издевательств и острот⁵⁷.
Республика стала прочно ассоциироваться с «позорным и уни-
зительным» Версальским миром, беспорядками, бедственным
положением и предательством национальных интересов. При
этом объектом иронии и ненависти была не Германия, а немец-
кая республика — форма, так и не нашедшая соответствующего
идейного содержания.

Вера в национальную исключительность была неотъемлемой
частью идеологии «особого немецкого пути»⁵⁸. Этот императив
лег в основу общественно-политических дискуссий Веймарской
республики. Вместе с тем само дискуссионное поле, размечен-
ное жестким противопоставлением «свой–чужой», исключало
не только настоящее (реальное) Германии, но прежде всего про-
екции ее будущего (идеального) социального и политического
устройства. И если основания представлениям об «особом не-
мецком пути» могут быть поняты и объяснены через апелляцию
к исторической традиции и ситуации национального унижения,
связанного в первую очередь с поражением в войне и распадом
империи, то смысловое наполнение зависело от идеологиче-
ских императивов различных политических сил. В этом кон-
тексте данная идеологема определенно является маркером по-
литико-идеологической принадлежности.

Представителей академических кругов Германии периода
Веймарской республики можно в соответствии с их политиче-
скими пристрастиями условно разделить на четыре группы:

56. Целищев А. О. Веймарская Социал-демократическая партия Германии и кон-
сервативная республика (1925–1928). Уфа, 2008. С. 416.

57. Winkler H. A. Weimar 1918–1933: die Geschichte der ersten deutschen Demokra-
tie. S. 177.

58. Grebing H. Der «deutsche Sonderweg» in Europa 1806–1945. Eine Kritik. Stutt-
gart, 1986; Kalz W. Die Ideologie des «deutschen Sonderwegs». Künzler, 2004.

- верные конституции либералы;
- националистически настроенные консерваторы;
- пацифисты и социалисты;
- консервативно настроенное большинство, открыто не выражавшее свое неприятие республики.

Первая группа окончательно оформилась в 1926 году, создав Союз преподавателей высшей школы, верных конституции (*Ver-einigung verfassungstreuer Hochschullehrer*). Символично, что первое заседание союза прошло в Веймаре, а общее число участников составило 64 человека. Один из членов союза, Ганс Дельбрюк, так описал первое заседание:

Почти от каждого университета Германской империи, от каждого факультета были посланы представители... чтобы организовать как можно более широкий фронт, были также приглашены коллеги, стоящие на крайне левых позициях, а также социал-демократы. Подавляющее большинство признавались, что сердцем они преданы старому рейху и внутренне им тяжело принять республику.

Описанная Дельбрюком двойственность в отношении профессорско-преподавательского состава к новому германскому государству обнаруживает явную переключку со словами другого историка — Ф. Майнеке, сказанными им в январе 1919 года: «Обращая взор в прошлое, сердцем своим я остаюсь монархистом, а, устремляя взор в будущее, разумом своим я сохраняю верность республике»⁵⁹. Во многом это двойственное восприятие недавнего прошлого и настоящего, характерное не только для академического сообщества Германии, но и для большей части государственного административного аппарата (чиновников), объясняет ту легкость и безболезненность, с которой происходило расставание с республикой в 1931–1933 годах.

Вторую группу образует Германский национальный союз преподавателей высшей школы (*Deutschnationale Hochschullehrerver-einigung*). В него входили националистически ориентированные представители профессорско-преподавательского состава, разделявшие идеологию Немецкой национальной народной партии (*Deutschnationale Volkspartei*). Партия не скрывала своего антисемитского характера и первоначально отстаивала идею реставрации монархии, а затем сильной авторитарной власти. В частности, на заседании союза в 1932 году была принята резолюция об «Освобождении Германии от господства парламента»⁶⁰.

59. Meinecke F. Politische Schriften und Reden. Darmstadt, 1979. S. 281.

60. Döring H. Op. cit. S. 65–66, 115.

В третью группу входили представители профессорско-преподавательского состава, считавшие себя пацифистами, и те, кто вступил в ряды СДПГ. Последних насчитывалось около 50 человек⁶¹. В 1920 году преподаватели высшей школы, принявшие республику и выразившие доверие социал-демократическому правительству, предприняли попытку от лица немецкой науки выступить с заявлением «В защиту демократической конституции», но их инициатива не нашла понимания даже у десятой части профессорского состава немецких университетов⁶².

И наконец, четвертая, самая многочисленная группа состоит из тех, кто открыто не признавался в своих политических воззрениях и не входил в различные политические партии, союзы, клубы и т. д. Однако эту группу можно охарактеризовать как консервативную в силу того, что общим местом в университетской среде были антидемократические воззрения: «Публичные признания в своей приверженности демократии и республике отдавали дурновкусием»⁶³.

Консервативные настроения, охватившие большинство представителей академического сообщества Веймарской республики, необходимо понимать и интерпретировать в значительной мере как следствие мировоззренческой, ментальной пропасти, пролегшей между устоями, укладом традиционного общества и ускороенной модернизацией, предпринятой в Германии в период Второй империи⁶⁴. В своей речи «Модерн — незавершенный проект» Юрген Хабермас охарактеризовал перспективы модернистского проекта в европейском духовном пространстве, выделив три типа антимодернистских тенденций. Все они связаны с консерватизмом. В частности, Хабермас выделил младоконсерваторов, староконсерваторов и неоконсерваторов. По его мнению, появление на свет младоконсерваторов связано с реакцией интеллектуальных кругов на проект модерна и использованием ими модернистской манеры для утверждения непримиримого антимодернизма.

Они переносят спонтанные силы воображения, личных переживаний, аффективности в даль и в архаику и по-манихейски противопоставляют инструментальному разуму какой-либо принцип, доступный лишь с помощью суггестии, — будь-то воля к власти или суверенность, бытие или некая дионисийская сила поэтического⁶⁵.

61. Titze H. Op. cit. S. 217.

62. Ibid. S. 218.

63. Eschenburg T. Aus der Universitätsleben vor 1933 // Deutsches Geistesleben und Nationalsozialismus. Tübingen, 1965. S. 36.

64. Wehler H. — U. Op. cit. S. 26–39.

65. Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Политические работы... С. 29.

Отторжение капиталистической буржуазной республиканской модели было в равной степени характерно и для левого, и для правого лагерей. Кроме того, для академической среды сближение противоположных политических воззрений носило методологический характер. Ориентация на действительность вместо нормативной значимости, на конкретный историзм вместо надвременных ценностей, преодоление философии сознания и «политический экзистенциализм» — таковы общие черты, позволяющие говорить о сходстве теоретических установок у правых и левых социальных мыслителей Веймарской республики⁶⁶.

* * *

Интеллектуальная традиция, сложившаяся в Германии на рубеже XIX–XX веков, не несла в себе критического по отношению к власти настроя, но, напротив, была тесно связана с оформлением национальной доктрины и идеологии. Подавляющее большинство интеллектуалов, придерживающихся как консервативных, так и либеральных взглядов, исполняя свои негласные общественно-политические функции, работали над обоснованием дальнейшего особого пути развития Германии.

Политизация духовной жизни, воплотившаяся в период Первой мировой войны в пропагандистских выступлениях, речах и публикациях, изменила привычное существование большей части академического сообщества. Наука, образование и культура — основные категории немецкой интеллектуальной традиции — оказались предельно идеологизированы.

Неприятие настоящего, олицетворяемого республикой, выражалось в воссоздании и утверждении представлений о великом и героическом прошлом Германии и актуализировало довоенные визионерские грезы о ее будущем. Более того, можно утверждать, что вера в «особый путь» подкреплялась действиями победителей, считавшими поражение Германии поражением немецкой науки и образования.

После поражения в Первой мировой войне тема кризиса стала центральной в размышлениях представителей академического сообщества Германии. Протест против «демократизации» высшей школы означал также неприятие и несогласие с самой идеей демократии в Германии, что объясняет отсутствие доверия и лояльности к новому немецкому государству. В конечном счете воцарившийся в немецком университете кризис будет преодолен лишь после 1933 года.

66. Дмитриев А. Н. Указ. соч. С. 358.